

Тулеева М.Е.

*Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
Косиш, Республика Казахстан*

СОВРЕМЕННЫЕ РИСКИ БЕЗОПАСНОСТИ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Уважаемые участники круглого стола!

Современная безопасность воинской службы сегодня должна рассматриваться не только через призму боевой подготовки, дисциплины и уставного порядка. На первый план выходят риски, связанные с сохранением жизни и здоровья военнослужащих, психологической устойчивостью личного состава, качеством командирской работы, состоянием правопорядка и эффективностью профилактики.

Проведенное исследование показывает, что гибель военнослужащих, суицидальное поведение, травматизм, неуставные взаимоотношения и иные правонарушения в воинской среде имеют не случайный, а системный характер. Они формируются под воздействием комплекса факторов: организационных, психологических, социальных, дисциплинарных и управленческих.

За последние три года по различным причинам умер 231 военнослужащий. По этим фактам зарегистрировано 147 уголовных дел, в том числе 63 дела по фактам суицидов. Эти данные показывают, что вопрос безопасности воинской службы сохраняет высокую социальную чувствительность и требует не разовых мер реагирования, а устойчивой системы раннего выявления рисков.

Отдельного внимания заслуживает структура причин гибели. Среди установленных обстоятельств имеются дорожно-транспортные происшествия, несчастные случаи, нарушения мер безопасности, гибель на учениях, насильственные действия и суициды. Это означает, что безопасность воинской службы

нельзя сводить только к психологической профилактике. Она должна охватывать весь жизненный цикл прохождения службы: от отбора и призыва до распределения, адаптации, несения службы, контроля командования и последующего надзорного сопровождения.

Наиболее тревожным блоком остается суицидальное поведение военнослужащих. В 2020-2025 годах в Вооруженных Силах зарегистрировано 112 случаев суицида. Динамика неоднозначна: после 2020 года наблюдался рост, затем показатели стабилизировались в пределах 17-24 случаев ежегодно.

Исследование показывает, что суицид в армии не является изолированным ведомственным феноменом. Он отражает общие социальные процессы, характерные для общества в целом. Вместе с тем военная служба усиливает отдельные риски: замкнутость среды, жесткая иерархия, ограничение привычных социальных связей, доступ к оружию, высокая психоэмоциональная нагрузка, зависимость военнослужащего от командования и трудности обращения за помощью.

По социальному портрету основную группу риска составляют молодые мужчины, преимущественно в возрасте от 19 до 29 лет. Для военнослужащих срочной службы ключевым фактором выступает дезадаптация к условиям военной среды, особенно в начальный период службы. Для контрактников и офицеров более значимыми становятся семейно-бытовые конфликты, долговая нагрузка, профессиональное выгорание, служебные конфликты и психологическое давление.

Отдельно следует отметить, что среди факторов риска сохраняются неуставные взаимоотношения, буллинг, рукоприкладство, злоупотребление властью, унижение достоинства, конфликты в коллективе, одиночество, социальная изоляция, долги, страх наказания и чувство безысходности. Именно эти факторы чаще всего предшествуют кризисному поведению и требуют раннего выявления.

При этом значительная часть причин остается латентной. Военнослужащие не всегда готовы открыто сообщать о

проблемах. Причины понятны: страх последствий, недоверие к внутренним механизмам защиты, опасение быть воспринятым как «слабый», зависимость от командиров и отсутствие уверенности в конфиденциальности обращения.

В этой связи один из главных выводов исследования состоит в следующем: действующая профилактика должна быть перестроена с формально-отчетной модели на риск-ориентированную. Недостаточно проводить беседы, лекции и проверки ради количества. Необходимо измерять фактический результат: снизилась ли повторяемость нарушений, выявлены ли лица группы риска, устранены ли причины, изменилось ли поведение командиров, повысилось ли доверие личного состава.

Анализ показал, что в отдельных воинских частях и учебных заведениях факты суицидов повторялись. Это свидетельствует о том, что после первого случая не всегда проводилась полноценная работа по устранению причин и условий. Повторный суицид в одной части — это уже не только индивидуальная трагедия, но и индикатор управленческого сбоя.

Системная проблема также связана с нагрузкой на психологов. В среднем на одного специалиста приходится более 1500 военнослужащих. При такой нагрузке невозможно обеспечить качественную индивидуальную диагностику, регулярный мониторинг психоэмоционального состояния и сопровождение каждого военнослужащего. В результате психологическая работа нередко переходит в режим реагирования уже после кризиса.

Отдельный блок проблем касается деятельности военной полиции и профилактических подразделений. Анализ показывает дублирование функций, недостаточную методическую обеспеченность, слабую оценку эффективности профилактических мероприятий, отсутствие системного изучения доверия военнослужащих к военной полиции, а также недостаточное внимание к латентным правонарушениям. При этом значительная часть воинских уголовных правонарушений происходит на территории воинских частей, тогда как

профилактическая работа и патрулирование не всегда сфокусированы на реальных зонах риска.

Важное значение имеет качество расследования фактов гибели и суицидов. Расследование в таких делах имеет не только уголовно-процессуальное, но и профилактическое значение. Именно в ходе досудебного расследования устанавливаются реальные причины, условия, конфликты, предшествующие события, действия или бездействие командиров, а также возможные факты доведения до самоубийства либо инсценировки.

Поэтому особое значение имеют своевременный выезд на место происшествия, охрана места происшествия, качественный осмотр, фото- и видеофиксация, изъятие следов, проверка версии доведения до самоубийства, работа с родственниками, назначение психолого-психиатрической экспертизы и объективная оценка действий должностных лиц.

Указание Генеральной прокуратуры от 18 декабря 2025 года фактически усиливает именно этот вектор. Оно ориентирует прокуроров и ведомства на повышение качества и эффективности расследования фактов гибели военнослужащих, своевременное информирование военной прокуратуры, сохранность доказательств, взаимодействие с родственниками погибших и принятие мер по устранению причин и условий.

Положительным является то, что в последние годы уже реализуется переход к более адресной модели профилактики. Введены психосоциальные скрининги призывников. По результатам отбора исключены 307 граждан, имеющих признаки суицидальной уязвимости. В рамках цифрового психологического мониторинга дополнительно выявлены 63 военнослужащих группы риска. Ранняя медицинская диагностика позволила снизить смертность от заболеваний на 48 процентов – с 23 до 12 случаев.

Также внедряются практические инструменты: система взаимного наблюдения «Ұландық дос», конфиденциальное анкетирование, обучение сержантского состава, разработка новых учебных материалов и видеокурсов, тренинги, кейсы и

деловые игры. Эти меры показывают, что профилактика постепенно переходит от общего информирования к практическому сопровождению личного состава.

Однако достигнутые результаты не снимают необходимости дальнейшего усиления системы. На наш взгляд, требуется закрепить пять ключевых направлений.

Первое – создание единой карты рисков воинской службы. В нее должны входить данные о дисциплинарных нарушениях, жалобах, травматизме, конфликтах, задолженности, семейных проблемах, результатах анкетирования, обращениях к психологу, переводах, взысканиях и повторяемости происшествий. Такая карта позволит видеть не отдельный случай, а накопление рисков.

Второе – введение обязательной оценки эффективности профилактики. Каждый субъект профилактики должен отвечать не за количество мероприятий, а за результат: снижение повторных нарушений, выявление скрытых конфликтов, устранение причин, повышение доверия, снижение числа травм и суицидальных рисков.

Третье – усиление института сержантского состава и командиров низового звена. Именно они ежедневно видят состояние военнослужащего, его поведение, конфликты, изоляцию, тревожность и признаки давления. Поэтому сержанты и младшие командиры должны быть обучены не только дисциплинарному контролю, но и раннему распознаванию кризисных состояний.

Четвертое – развитие конфиденциальных каналов обращения. Военнослужащий должен иметь реальную возможность сообщить о давлении, долгах, насилии, угрозах, буллинге или психологическом кризисе без страха последствий. Без доверия профилактическая система не будет видеть скрытую часть проблемы.

Пятое – усиление прокурорского надзора за устранением причин и условий. После каждого факта гибели, суицида, травматизма или насилия необходимо не только принять процессуальное решение, но и оценить: какие управленческие

ошибки допущены, кто не выявил риск, какие профилактические меры были формальными, почему не сработала командирская вертикаль.

Перспективным является также изучение международного опыта. В ряде стран действуют военные омбудсмены, независимые инспекционные механизмы, круглосуточные линии доверия, программы психологического мониторинга, ограничения доступа к оружию вне службы, обязательные программы реабилитации и постоянная диагностика военнослужащих. Для Казахстана этот опыт может быть адаптирован с учетом национальной правовой системы и роли органов прокуратуры.

В качестве стратегической меры можно рассмотреть вопрос о создании независимого института защиты прав военнослужащих либо специализированного механизма внешнего мониторинга. Его задачи могли бы включать прием жалоб, мониторинг условий службы, анализ неуставных отношений, участие в оценке системных проблем, подготовку ежегодного доклада и внесение предложений по совершенствованию законодательства.

Таким образом, результаты прикладного исследования позволяют сделать несколько основных выводов.

Первое. Современные риски безопасности воинской службы имеют комплексный характер и не ограничиваются только дисциплинарными нарушениями или психологическими проблемами.

Второе. Суицидальное поведение военнослужащих формируется под воздействием совокупности факторов: личностных, социальных, служебных, организационных и управленческих.

Третье. Наиболее уязвимыми остаются молодые военнослужащие, проходящие период адаптации, а также контрактники и офицеры, испытывающие долговую, семейную или служебную нагрузку.

Четвертое. Повторяемость негативных фактов в отдельных частях указывает на недостаточность формальных

профилактических мер и необходимость персональной ответственности командования.

Пятое. Расследование фактов гибели и суицидов должно рассматриваться как важнейший источник профилактической информации, позволяющий выявлять реальные причины и предупреждать новые трагедии.

Шестое. Будущая модель профилактики должна быть риск-ориентированной, цифровой, адресной и измеримой по результату.

В завершение необходимо подчеркнуть: безопасность воинской службы – это не только вопрос ведомственной дисциплины. Это показатель качества государственного управления, доверия к армии, защищенности военнослужащего и способности системы своевременно видеть риск до наступления трагических последствий.

Главная задача на предстоящий период – перейти от реагирования на уже совершившийся факт к управлению рисками. Только такая модель позволит обеспечить реальное снижение гибели, травматизма, суицидального поведения и иных угроз в воинской среде.

Благодарю за внимание!

ФОТООТЧЕТ О ПРОВЕДЕННОМ МЕРОПРИЯТИИ

